

Душа Ангела

Агата Шерл

Камни Агаты

Агата Шерл
Душа Ангела

«Автор»

2026

Шерл А.

Душа Ангела / А. Шерл — «Автор», 2026 — (Камни Агаты)

Агата всю жизнь пряталась от мира. Была тихой, незаметной, удобной. Пока в её руках не оказался чёрный шерл. Камень забрал её страхи и подарил смелость. Впервые она перестала бояться и открыла сердце. Но её начальник Максим скрывает за маской лёгкости тяжёлую тайну. Он знает о ней слишком много. А в его личном блокноте появляются строки, которые он сам не писал. Камень на груди то согревает, то обжигает ледяным холодом. Он ждал её тысячу лет. Но кто ещё охотится за ней в тени? История о любви, которая сильнее времени, и о душе, запертой в чёрном камне.

Содержание

Глава 1. Власть чёрного камня	5
Глава 2. Сердце упавшей звезды	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Агата Шерл Душа Ангела

Глава 1. Власть чёрного камня

Агата крутанулась перед зеркалом и замерла. Персиковое платье мягко ложилось волнами, нежное, как лепестки чайной розы. В нём хотелось кружиться в вальсе, не останавливаясь. Она провела ладонью по ткани и вдруг поморщилась. «Опять я постараюсь остаться незаметной», — промелькнула мысль в её голове. Пальцы сами потянулись к шкатулке. Серёжки, цепочка с топазом и другие украшения нашёптывали ей: «Мы не будем привлекать внимание».

Она захлопнула шкатулку. И вдруг поняла, что не хочет сегодня быть незаметной. Пусть не громко, не вызывающе, но чтобы, когда войдёт в зал, кто-то просто на секунду замер. И этот кто-то был Артём.

Они сидели за одной партой в девятом, когда классная пересадила её к нему, решив, что отличница вытянет молчаливого троечника. Он пришёл в класс в середине четверти, после переезда, и сел у окна. Агата помнила, как Артём впервые попросил у неё ластик, просто протянув руку в пространство между ними. Она дала ему ластик, он вернул его через минуту, и с тех пор их руки то и дело пересекались над тетрадами, над учебниками, и каждый раз Агата чувствовала, как что-то внутри неё сжимается и одновременно расправляется.

Они любили друг друга, но так тихо, что сами боялись произнести это вслух. В школе не было места для таких слов. Только записки, написанные в моменты, когда учительница объясняла у доски. Он писал ерунду: «Сегодня холодно», «Ты опять не ела на перемене», «У тебя шнурок развязался». И в каждой из этих фраз было то, что невозможно сказать прямо, — внимание, которое не получалось превратить в слова. Агата читала эти записки дома, за кухонным столом, под лампой, которая гудела так, что заглушала все остальные звуки в квартире, и ей казалось, что весь мир сжался до размера этого листка в клетку, исписанного его неровным почерком.

Но стоило им оказаться лицом к лицу, как всё рассыпалось. Артём никогда не говорил прямо: «Ты мне важна». Но каждый раз, когда Агата собиралась уйти после уроков, он оказывался у двери кабинета, переминаясь с ноги на ногу. Она видела это и каждый раз уходила, потому что страх сжимал грудь так, что невозможно было вдохнуть. Ей казалось, что если задержится, а потом он скажет «я не готов», весь этот хрупкий мир записок и случайных прикосновений над тетрадами рухнет. И она уходила первой, не чтобы ранить, а чтобы не ранили её.

Он не удерживал, потому что её уход казался ему ответом: «Ты мне не нужен». Артём не хотел навязываться, не хотел быть тем, кого терпят из вежливости, и потому отступал, пряча обиду за спокойной улыбкой.

После выпускного они перестали видеться. Между ними так и не прозвучало самое главное: «Подожди, давай поговорим».

Агата вышла на улицу. Майский воздух был густым от запаха сирени: сладким, чуть терпким, таким, что от него кружилась голова. По асфальту скользили солнечные пятна, где-то рядом смеялись дети, а из открытого окна плыла тихая музыка. Всё вокруг будто шептало: «Жизнь проснулась. Пора и тебе расправить плечи».

И на фоне этой цветущей улицы ювелирный казался совсем другим миром. Когда Агата толкнула дверь, шум города будто отрезало. Внутри было тихо, прохладно, в воздухе витал ска-

зочный аромат, а сама атмосфера была загадочной. В витрине поблёскивали золото и серебро. Камни переливались всеми цветами радуги, стараясь понравиться. И только один камень стоял отдельно. Шерл. Он не притягивал к себе взгляд, наоборот, забирал лишнее сияние, делая вокруг себя спокойный полумрак.

Агата стояла посреди ювелирного, и в голове у неё всё ещё крутилась одна мысль: «Нужно что-то яркое. Что-то, что вспыхнет рядом с персиковым, притянет взгляд, не даст никому пройти мимо». Она скользила глазами по камням. Рубины горели, будто в них заперли кусочек заката. Топазы были прозрачными, как тёплый мёд. В изумрудах пряталась густая зелень. Ей хотелось чего-то, что скажет за неё: «Смотри на меня».

И вдруг взгляд упал на тёмный угол витрины. Там, отдельно от всей этой яркой россыпи, лежал комплект: кольцо и браслет из шерла. Он не старался понравиться. Не подмигивал, не переливался, не пытался поймать свет, чтобы броситься в глаза.

Агата подошла ближе. И в этот момент её желание «быть заметной» вдруг перестало звучать как крик. Оно стало тише, но твёрже. Ей захотелось не исчезнуть в этой вспышке, а остаться собой.

Холод камня чувствовался даже через стекло. От него веяло ночной тишиной, когда звёзды уже горят, а город спит. Агата коснулась витрины, и по пальцам пробежал холодок. И она поняла: это не про то, чтобы затмить собой всё вокруг.

Не было долгих раздумий. Не было «а вдруг не подойдёт». Внутри прозвучало: «Это моё». Агата подняла глаза на продавца и спокойно сказала:

— Я беру этот комплект.

Агата вышла из ювелирного, и яркий майский свет будто ударил по глазам. После прохладного полумрака всё казалось слишком кричащим, слишком цветным. Сирень пахла ещё гуще, солнечные пятна плясали по асфальту, где-то рядом громко смеялись, и этот шум вдруг стал казаться суетливым, лишним.

Она невольно коснулась кольца. Камни были всё так же спокойно холодны, будто держали в себе тишину, к которой ей хотелось вернуться. И тут Агата вдруг поняла: платье и туфли не подходят к комплекту. Персиковое, воздушное платье с лёгкими бежевыми лодочками были созданы для того, чтобы быть милой, незаметной, «удобной». А шерл не про удобство. Он про твёрдость, про уверенность и свой стиль.

Не раздумывая, она свернула к бутику неподалёку. Внутри было тихо, прохладно, и Агата сразу пошла туда, где висели платья без излишеств. Бордовое, не кричащее, а глубокое, легло на плечи ровно, по фигуре. К нему она взяла чёрные туфли: строгие, на высоком каблуке. Теперь комплект из шерла не спорил с образом, он его собирал, делал цельным.

Выходя из магазина, Агата чуть улыбнулась: в этом новом сочетании не было желания понравиться всем подряд. Было только тихое, твёрдое: «Я здесь. И я не собираюсь прятаться».

По дороге домой Агата то и дело касалась кольца, будто проверяя, что оно правда на ней, что этот спокойный холод не рассеялся вместе с прохладой ювелирного. Перебирала в голове, как всё вышло: ещё час назад ей хотелось чего-то яркого, чтобы вспыхнуло и притянуло взгляд, а теперь она шла в бордовом платье и чёрных туфлях, будто сбросив с себя всю эту суетливую необходимость нравиться. И чем дальше шла, тем яснее становилось: это не она так резко сменила стиль. Это комплект сам выбрал её. Или, вернее, шерл тихо подтолкнул к тому, на что у неё самой не хватало смелости.

Камень стоял в одиночестве, не пытаясь ни с кем спорить, не стараясь понравиться, и в этой его спокойной отдельности было что-то такое, что отозвалось внутри неё: «Тебе не нужно быть громче, чтобы быть настоящей».

Агата поняла: она не хотела больше прятаться за лёгкостью и воздушностью, не хотела быть удобной и незаметной. Ей хотелось, чтобы мир сам решил, сколько времени ему нужно, чтобы её разглядеть.

Агата вошла в квартиру, закрыла за собой дверь, переоделась, но кольцо не тронула. Ей хотелось чувствовать этот спокойный холод, будто он был якорем, который не давал ей снова сорваться в привычную суетливость. Села на край дивана, машинально коснулась шерла и вдруг замерла: а что, если дело вовсе не в ней? Что, если это камень незаметно перетянул её на другую сторону — туда, где можно не стараться быть удобной.

Она потянулась к телефону, быстро набрала: «шерл камень свойства». Страница загружалась мучительно медленно, а Агата смотрела на экран, будто ждала, что он сам всё объяснит. И чем больше читала, тем страннее становилось: шерл называли ведьминым камнем, чёрным турмалином, камнем-щитом. Писали, что он не просто защищает, а отражает: возвращает обратно чужой негатив, не даёт чужой тревоге прилипнуть к душе. Говорили, что шерл умеет поглощать страхи самого владельца, будто вытягивает из человека то, что годами копилось в груди. Все эти «а вдруг я слишком», «а вдруг я не та», «а вдруг меня не примут».

Ещё там было про «заземление»: будто шерл помогает почувствовать под ногами твёрдую землю, когда мир вокруг начинает кружиться. Про то, что камень связывают с корневой чакрой, с самой основой, с правом занимать своё место, дышать спокойно. И про то, что шерл не любит суеты: он не для тех, кто хочет сиять напоказ, он для тех, кому важнее постоянство.

Агата читала и чувствовала, как внутри что-то тихо встаёт на место. Эти слова будто озвучили то, что она ощутила ещё в ювелирном. Шерл стоял в одиночестве, не пытаясь понравиться, и в этой его тихой отдельности было разрешение: «Тебе не нужно быть громче, чтобы быть настоящей».

Она закрыла вкладку, отложила телефон и посмотрела на кольцо. Камень в полумраке комнаты казался почти непроницаемо тёмным, как кусочек ночи, который она принесла с собой, чтобы спрятать в нём всё лишнее.

И вдруг Агата улыбнулась: может, никакой магии и нет, а есть просто вещь, которая вовремя напомнила ей о том, что она имеет право не прятаться. Или, может, магия как раз в этом — в том, чтобы в нужный момент найти именно то, что поможет тебе услышать собственный голос среди чужого шума.

Глава 2. Сердце упавшей звезды

Агата уснула, не снимая кольцо. Камни покоились на её груди, передавая свою прохладу, и дыхание постепенно становилось тихим и глубоким, пока не выровнялось с ритмом комнаты, с гудением холодильника за стеной, с далёким шумом машин где-то внизу, с тем почти неслышим пульсом, который есть в каждой квартире, когда город засыпает. Она лежала на спине, чувствуя, как простыня холодит спину, а одеяло давит на ноги, и где-то между этими ощущениями, на границе бодрствования и сна, её тело начало расслабляться, сначала пальцы, потом кисти, потом плечи, пока тяжесть не разлилась по всему телу, делая его одновременно и очень тяжёлым, и очень лёгким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.